УДК 903.27(510.2)
DOI: 10.17223/19988613/68/5

А.В. Варенов, М.А. Кудинова

СИБИРСКИЕ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ В ТРЕХРОГИХ ГОЛОВНЫХ УБОРАХ И ПЕТРОГЛИФЫ ПАМЯТНИКА УЦЗЯЧУАНЬ

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00557 «Изучение памятников
наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».*

*Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской
археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги
и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного
университета.*

Приводятся аналогии изображенным на памятнике наскального искусства Уцзячуань персонажам в трехрогих головных уборах как из погребальных комплексов древнетюркского времени (могильники Кудыргэ, Сюттю-Булак), так и среди наскальных выбивок и граффити на западе Внутренней Монголии (пустыня Бадын-Джаран), в уезде Чжунвэй пров. Нинся, в Чу-Илийском междуречье, на севере Хакасии и на востоке Горного Алтая. Авторы, в развитие идей П.П. Азбелева, считают, что сюжет изображений из Уцзячуань, как и на кудыргинском валуне, отражает христианское (несторианское) влияние, представляя вариант темы поклонения волхвов.

Ключевые слова: Северо-Западный Китай; древнетюркское время; петроглифы; «трехрогие» головные уборы; памятник Уцзячуань.

В начале июля 2019 г. авторам удалось посетить петроглифы памятника Уцзячуань (吴家川) в уезде Цзинъюань на востоке провинции Ганьсу КНР. Издавший их в 1983 г. Чжан Баоси отмечал, что рисунки в технике выбивки выполнены металлическими инструментами, он также сопоставил наскальные изображения персонажей в трехрогих головных уборах из Уцзячуань и рельефные головы на керамике местной неолитической культуры Баньшань [1. С. 46, 47].

В данной статье ставятся следующие задачи: для уточнения датировки персонажей в трехрогих головных уборах памятника Уцзячуань и раскрытия семантики китайских петроглифов рассмотреть аналогии среди изобразительного искусства Южной Сибири и Центральной Азии; провести анализ интерпретаций трехрогих персонажей и выбрать, какая из них наиболее соответствует реалиям китайской писаницы; найти другие «трехрогие» антропоморфные изображения среди петроглифов Северо-Западного Китая и оценить их значение для дальнейшего изучения наскального искусства региона.

Памятник Уцзячуань невелик: это две плоскости южной экспозиции. На восточной плоскости присутствуют фигурки оленей и козлов, а также современные иероглифические надписи. На западной плоскости, помимо оленей и козлов, выбиты восемь всадников (в силу чего памятник невозможно датировать эпохой бронзы, тем более неолита) и несколько антропоморфных фигур (рис. 1, 1). Не менее шести всадников и один стоящий (или сидящий) человек изображены в специфических головных уборах, напоминающих корону с тремя зубцами. Один всадник, расположенный в центральной части западной плоскости, «скачет»

в левую сторону (рис. 2, 1). Три всадника правее него, в правом верхнем углу, также «скачут» влево (рис. 2, 2). Пятый всадник, тоже едущий влево, находится в левой части западной плоскости ниже антропоморфного персонажа с большой круглой головой (рис. 2, 4). Изображение пятого всадника сохранилось плохо, особенно задняя часть фигуры коня, но на старой фотографии 1983 г. он виден вполне отчетливо (рис. 1, 2). Шестой всадник расположен правее пятого, там, где на нашем фото помещена цифра «4» (рис. 2, 4). На протирке 1983 г. шея, голова коня и верхняя часть туловища седока четко различимы (рис. 1, 2). Фигура стоящего человека находится в нижней левой части западной плоскости, левее и чуть ниже круглоголового персонажа (рис. 2, 4). На протирке 1983 г. фигура осталась за границей кадра. Эту фигуру можно воспринимать и как сидящую, если ее очень длинные опущенные вниз «руки» считать контуром широкополого одеяния, а то, что передано выбивкой внутри него – сложенными на груди или на животе «настоящими» руками и подогнутыми ногами (рис. 2, 3).

«Сидящая» трактовка находит соответствие в древнетюркских изображениях Горного Алтая и иных районов. В погребении 16 могильника Кудыргэ на двух сторонах валуна-изваяния выгравирована так называемая «сцена коленопреклонения» (рис. 3, 1). Показана сидящая женщина в трехрогом головном уборе с ребенком, перед которыми склонились три гораздо меньших по размеру спешившихся всадника. Центральный из них тоже в трехрогом головном уборе [2. С. 51–52. Рис. 18]. В течение почти сотни лет, прошедших с момента раскопок Кудыргэ в 1924–1925 гг., «сцена коленопреклонения» трактовалась либо как

отражение раннесредневековой социальной и / или этнокультурной ситуации (подчинение бедных богатым / знатым или одних племен другим), либо как поклонение людей неким древнетюркским божествам [3. С. 19–21; 4. С. 12–27]. В частности, Л.Р. Кызласов пришел к выводу, что сидящая женщина в трехрогой тиаре – это богиня Умай, а склонившийся перед ней человек в таком же головном уборе – шаман [5. С. 51]. Напротив, А.С. Суразаков считал, что на валуне зафиксировано поклонение семье (вдове и ребенку) умершего вождя [6. С. 51].

С середины 60-х гг. XX в. в качестве еще одного источника, отражающего бытование в раннем Средневековье трехрогих головных уборов у кочевников, рассматриваются древнетюркские каменные изваяния, распространенные преимущественно в Семиречье и на Тянь-Шане. Я.А. Шер датировал их VI–VIII вв. [7. С. 44]. С.М. Ахинжанов считал их женскими изображениями

шаманок кимако-кипчакского политического объединения, типичными для IX–X вв. [8. С. 76, 79]. Л.Н. Ермоленко в 1995 г. утверждала, что «большинство реальных изваяний в “трехрогих” головных уборах имеют аналогии среди реалий древнетюркских изваяний среднеазиатско-казахстанского региона VII–VIII вв.» [9. С. 55]. В том же 1995 г. при раскопках древнетюркского женского погребения в кургане № 54 на могильнике Суттуу-Булак (Сюттю-Булак) в Центральном Тянь-Шане (Кыргызстан) были встречены костяные пластины с многофигурными гравированными композициями [10]. На одной из них изображена внутренняя часть юрты, в которой сидят два человека – мужчина и женщина. На голове у женщины – трехрогий головной убор (рис. 3, 2). По мнению Ю.С. Худякова, многофигурные композиции из Суттуу-Булака «могли служить иллюстрациями к повествованию о деяниях эпических героев» [11. С. 245].

Рис. 1. Западная плоскость памятника Уцзячуань:

1 – фото А.В. Варенова; 2 – сканирование А.В. Варенова (разрешение 1 200 dpi) по: [1. С. 47. Рис. 4].

Рис. 2. Детали западной плоскости памятника Уцзячуань:

1 – всадник в трехрогом головном уборе в центре плоскости; 2 – три всадника в рогатых головных уборах в правой части плоскости; 3 – стоящий (сидящий) персонаж в рогатом головном уборе в левой части плоскости; 4 – левая нижняя часть западной плоскости (слева направо): стоящий (сидящий) персонаж в рогатом головном уборе, круглоголовый персонаж (соллярное божество / шаман), горный козел, внизу по центру и справа, у границы плоскости – всадники № 5 и 6 в рогатых головных уборах. 1–4 – фото А.В. Варенова

Женщина в трехрогом головном уборе, сидящая на тахте рядом с мужчиной внутри юрты (шатра), выбита и на поверхности древнетюркского изваяния № 2 из Когалы в Чу-Илийском междуречье (рис. 3, 6). Аналогичный, только более схематичный, рисунок есть и среди гравировок Сулекской писаницы на севере Хакасии (рис. 3, 4). А.Е. Рогожинский сознательно оставил за пределами своей публикации вопросы семантической и исторической интерпретации изобразительных материалов со стелы № 2 из Когалы [12. С. 341–342]. И.Л. Кызласов, издавший в 1998 г. гравированное изображение сидящей в шатре пары из Сулека, напротив, основное внимание уделил его семантике и предположил, что так изображались древнетюркские божества Тенгри и Умай, божественность которых «выражена лишь их трехрогими головными уборами», а также жрецы и «некие богоподобные персонажи (прежде всего, очевидно, катун)» [13. С. 47]. С.Г. Скобелев, тогда же обратившийся к иконографии образа богини Умай в древнетюркскую эпоху, главными ее атрибутами считал крылья, а головной убор в виде трехрогой (трехлучевой) тиары или нимб – факультативными [14. С. 164–166]. Он приводит изображение женщины с крыльями и в трехрогом головном уборе

на металлическом предмете в виде рыбки – случайной находке, хранящейся в Минусинском музее (рис. 3, 5).

В ходе исследования вопроса о возможной иконографии божеств древнетюркского пантеона обзор раннесредневековых изображений персонажей в трехрогих головных уборах на территории Южной Сибири и Центральной Азии в 2010 г. предпринял Ю.С. Худяков, включивший в круг источников, помимо валуна из Кудыргэ, пластинок из Сутуу-Булака и петроглифов также ряд древнетюркских каменных изваяний (рис. 3, 7–10). Рассмотрев выдвигавшиеся ранее версии о том, что так выглядели древнетюркские божества Тенгри, Умай и / или шаманы, он пришел к выводу, что никаких оснований считать, будто древние тюрки «представляли своих богов Тенгри и Умай в антропоморфном обличье, не существует», а «трехрогие» изображения – это «головные уборы с высоким коническим верхом и боковыми наушами», которые «определенно вошли в моду и приобрели престижный характер у древнетюркских женщин в период существования Первого Тюркского каганата» [15. С. 99, 101]. Однако трехрогий головной убор необязательно может быть парадным или ритуальным, о чем свидетельствуют открытые в 2017 г. в урочище Дялбак в Восточном Алтае ранне-

средневековые гравированные изображения [16. С. 271–272]. Среди них есть фигура сидящего на коне воина с

копьем в руках и в трехрогом головном уборе (возможно, коническом боевом шлеме с рогами) (рис. 3, 3).

Рис. 3. Аналогии «трехрогим» персонажам с писаницы Уцзячуань:

1 – «сцена коленопреклонения» на валуне из погр. 16 могильника Кудыргэ; 2 – костяная пластинка из кургана № 54 могильника Суттуу-Булак (Сюттю-Булак); 3 – наскальная гравировка из урочища Дялбак; 4 – гравировка с Сулесской писаницы; 5 – бронзовый игольник из фондов Минусинского музея; 6 – сцена, выбитая на изваянии из Когалы; 7–10 – каменные изваяния в «трехрогих» головных уборах. Разный масштаб. Рисунки масштабированы и скомпонованы в таблицу А.В. Вареновым по: [1 – 3. табл. VI, 2; 2 – 11. С. 243. Рис. 2; 3 – 16. С. 271; 4 – 13. С. 42. Рис. 5; 5 – 14. С. 164. Рис. 3; 6 – 12. Рис. 8, 2; 7–10 – 15. С. 103. Рис. 1]

Рис. 4. Наскальные изображения «трехрогих» всадников в Китае:

1 – западная плоскость писаницы Уцзячуань; 2–4, 6 – местонахождение Маньдэлашань из пустыни Бадын-Джаран (Внутренняя Монголия); 5 – местонахождение Шифанцзюань (уезд Чжунвэй Нинся-Хуэйского автономного района). Разный масштаб. Рисунки масштабированы и скомпонованы в таблицу А.В. Вареновым по: [1 – 1. С. 47. Рис. 4 (в обратных цветах); 2–4, 6 – 17. С. 248, 259, 289, 290. Рис. 266, 343, 579, 587; 5 – 18. С. 309. Рис. С-5]

П.П. Азбелев «сцену коленопреклонения» интерпретирует как отражение христианского (несторианского) сюжета о поклонении волхвов [4. С. 48–49]. Не вдаваясь в обсуждение предложенной петербургским исследователем трактовки сцены на валуне из Кудыргэ, можно предположить, что всадники в рогатых головных уборах на писанице из Уцзячуань, сгруппированные по трое в левой и в правой частях западной плоскости, спешат на поклонение к стоящему (или, скорее, сидящему) слева от них персонажу в таком же трехрогом головном уборе (рис. 4, 1). Этот персонаж, как и на кудыргинском валуне, по росту превосходит и всадников, и даже их коней. Исходя из ориентации скалы с рисунками по сторонам света, верховые паломники в трехрогих головных уборах едут, как и новозаветные волхвы, с востока на запад. Судя по степени их сохранности, правая группа «рогатых» всадников чуть моложе левой.

Для поиска аналогий всадникам в трехрогих головных уборах из Уцзячуань среди известных наскальных изображений Северо-Западного Китая были просмотрены монографические публикации петроглифов из Ганьсу и соседних провинций Цинхай, Нинся и Внутренняя Монголия. За исключением памятника Уцзячуань, персонажей в трехрогих головных уборах среди изданных к настоящему моменту петроглифов Южной и Северной Ганьсу нет [19, 20]. Нет их и в наскальных рисунках соседнего Цинхая, гор Иньшань и степи Уланьчаб в южной части Внутренней Монголии [21–23]. Всадники в похожих головных уборах встречены в четырех пунктах местонахождения петроглифов Маньдэлашань, что находится на юго-востоке пустыни Бадын-Джаран (*кит.* Баданьцзилинь) в западной части Внутренней Монголии [24. С. 248, 259, 289, 290. Рис. 266, 343, 579, 587]. В двух случаях их головные уборы напоминают ковбойскую шляпу с широкими полями, или даже сомбреро (рис. 4, 2, 3), в двух других похожи на высокую шапку с торчащими отворотами (рис. 4, 2, 4) и лишь в одном – на корону или рогатый шлем (рис. 4, 6). В двух пунктах кони «рогатых» всадников показаны с четырьмя ногами, в двух – только с двумя. Еще один рисунок персонажа в трехрогом головном уборе есть на памятнике Шифанцзюань, расположенном в уезде

Чжунвэй Нинся-Хуэйского автономного района, лежащего примерно на равном расстоянии от Уцзячуань и Маньдэлашань, на полпути между ними [17. С. 309. Рис. С-5]. Этот антропоморф с акцентированным признаком мужского пола и в трехрогой короне с высокими зубцами стоит рядом с конем, голова (но не грива!) которого увенчана похожим трезубцем. Однако он гораздо крупнее лошади, которая на его фоне смотрится как собака (рис. 4, 5). В других обобщающих изданиях, также описывающих наскальные изображения уезда Чжунвэй, данный петроглиф отсутствует [18. С. 140–219; 25. С. 204–352].

В заключение хотелось бы остановиться на вопросе выделения наскальных изображений тюркского времени в Китае и в иных регионах. В Китае данная тема разработана очень слабо, а тюркские наскальные гравировки китайские исследователи петроглифов, видимо, пока попросту не замечают. Во всяком случае, рисунков, выполненных в технике резной линии, в опубликованных ими сводах практически совсем нет. При чтении же отечественной литературы порой складывается впечатление, что петроглифы древнетюркского времени представлены только гравировками [26, 27].

Проблема заключается в трудности отделения тюркских выбивок, особенно простых (таких, например, как схематичные изображения горных козлов – *теке*) от более ранних или более поздних (этнографически современных) [28. С. 62–63]. Подходы к ее решению видятся в выделении хронологических маркеров в виде раннесредневековых реалий, присутствующих не только среди гравированных, но и среди выбитых наскальных изображений, к которым можно было бы привязывать в силу совместного нахождения в одной композиции и / или стилистического сходства и иные рисунки. К числу задействованных исследователями хронологических индикаторов тюркской эпохи в массиве наскальных выбивок можно отнести стрижку конской гривы в виде трех зубцов [29] и всадников со знаменами [30]. Еще одним признаком тюркской эпохи для выбитых наскальных рисунков, как мы пытались продемонстрировать, являются изображения персонажей в трехрогих головных уборах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжан Баоси. Ганьсу шэн Цзинъюань сянь Уцзячуань фасянь яньхуа [张宝玺. 甘肃省靖远县吴家川发现岩画] Петроглифы, обнаруженные в Уцзячуань, уезда Цзинъюань пров. Ганьсу // *Вэнью*. 1983. № 2. С. 46–47. (На кит. яз.).
2. Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // *Материалы по этнографии*. Л. : Изд. Гос. Русского музея, 1927. Т. III, вып. 2. С. 37–52.
3. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 144 с.
4. Азбелев П.П. Кудыргинский сюжет. СПб. : ЛЕМА, 2010. 60 с.
5. Кызласов Л.Р. К истории шаманских верований на Алтае // *КСИИМК*. 1949. Вып. XXIX. С. 49–52.
6. Суразаков А.С. К семантике изображений на Кудыргинском валуне // *Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э.* Кемерово : Кузбассвуиздат, 1994. С. 45–55.
7. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М. ; Л. : Наука, 1966. 138 с.
8. Ахинжанов С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья // *Археологические памятники Казахстана*. Алма-Ата : Наука, 1978. С. 65–79.
9. Ермоленко Л.Н. К проблеме каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах // *Наскальное искусство Азии*. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1995. Вып. 1. С. 54–55.
10. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане // *Российская археология*. 1997. № 3. С. 142–147.
11. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Многофигурные композиции на костяных пластинах из памятника Суттуу-Булак // *Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири*. Новосибирск : ИАЭ СО РАН, 1996. С. 242–245.

12. Рогожинский А.Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы : Print-S, 2010. С. 329–344.
13. Кызласов И.Л. Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 39–53.
14. Скобелев С. Г. Иконография образа богини Умай в древнетюркскую эпоху // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1999. Вып. 2: Горизонты Евразии. С. 162–167.
15. Худяков Ю.С. Об изображении божеств древнетюркского пантеона на памятниках искусства кочевников Южной Сибири и Центральной Азии эпохи раннего средневековья // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2010. № 3 (15). С. 93–103.
16. Константинов Н.А., Урбушев А.У. Раннесредневековые гравировки Дялбака // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 270–272.
17. Чжоу Синхуа. Чжунвэй яньхуа [周兴华. 中卫岩画]. Петроглифы Чжунвэй. Иньчуань : Нинся жэньминь чубаньшэ, 1991. 6. 442 с. (На кит. яз.)
18. Ли Сянши, Чжу Цуньши. Хэланьшань юй Бэйшань яньхуа [李祥石, 朱存世. 贺兰山与北山岩画]. Петроглифы гор Хэланьшань и Бэйшань. Иньчуань : Нинся жэньминь чубаньшэ, 1993. 369 с. (На кит. яз.)
19. Ду Чэнфэн. Сунань яньхуа [杜成峰. 肃南岩画]. Петроглифы Южной Ганьсу. Ланьчжоу : Ганьсу миньцзу чубаньшэ, 2014. 200 с. (На кит. яз.)
20. Хань Циган. Субэй яньхуа [韩积罡. 肃北岩画]. Петроглифы Северной Ганьсу. Ланьчжоу : Ганьсу жэньминь мэйшу чубаньшэ, 2015. 270 с. (На кит. яз.)
21. Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа. Цинхай яньхуа – шицян ишу чжун эрыюань дуйли сывэй цзи ци гуаньнянь дэ яньцзю [汤惠生, 张文华. 青海岩画—史前艺术中二元对立思维及其观念的研究]. Петроглифы Цинхая – исследование дуалистического мышления и его идей в первобытном искусстве. Пекин : Кэсюэ чубаньшэ, 2001. 280 с. (На кит. яз.)
22. Гай Шаньлинь. Иньшань яньхуа [盖山林. 阴山岩画]. Петроглифы гор Иньшань. Пекин : Вэньу чубаньшэ, 1986. 2, 20, 442 с. (На кит. яз.)
23. Гай Шаньлинь. Уланьчабу яньхуа [盖山林. 乌兰察布岩画]. Петроглифы степи Уланьчаб. Пекин : Вэньу чубаньшэ, 1989. 22, 336 с. (На кит. яз.)
24. Гай Шаньлинь. Баданьцилинь шамо яньхуа [盖山林. 巴丹吉林沙漠岩画]. Петроглифы пустыни Баданьцилинь. Пекин : Бэйцзин тушугуань чубаньшэ, 1997. 400 с. (На кит. яз.)
25. Сю Чэн, Вэй Чжун. Хэланьшань яньхуа [许成, 卫忠. 贺兰山岩画]. Петроглифы гор Хэланьшань. Пекин : Вэньу, 1993. 34, 398 с. (На кит. яз.)
26. Konstantinov N., Soenov V., Cheremisin D. Battle and hunting scenes in Turkic rock art of the early Middle Ages in Altai // Rock Art Research. 2016. Vol. 33, № 1. P. 8–18.
27. Серегин Н.Н., Мухарева А.Н. История изучения петроглифов раннего средневековья на территории Алтая // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 1 (9). Сер. Археология. Вып. 2. С. 95–106.
28. Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2011. 444 с.
29. Güneri A.S. Altay Dağları Bölgesi Kaya Resimleri: Klasik Türk Dönemi-2 Evresi Türk Tasvir Sanatına Dair Yeni Kavramlar // Arkeoloji ve Sanat. 2018. № 159: Eylül-Aralık. P. 149–160. (На тур. яз.)
30. Рогожинский А.Е. Флаги на скалах (изображения знамен в ландшафтах с петроглифами тюркской эпохи Казахстана) // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). Памяти Е.Г. Дэвлет. М. ; Кемерово : Кузбассвузиздат, 2019. С. 275–289. (Труды САИПИ; вып. XII).

Andrey V. Varenov, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: avvarenov@mail.ru

Maria A. Kudinova, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: maria-kudinova@yandex.ru

SIBERIAN AND CENTRAL ASIAN TURKIC-TIME PERSONAGES IN THREE-HORNED HEADDRESSES AND PETROGLYPHS OF THE WUJIACHUAN ROCK-ART SITE

Keywords: North-Western China; Ancient Turkic period; petroglyphs; three-horned headdresses; Wujiachuan rock-art site.

In the article, a comparative analysis of images of characters in 3-horned headdresses of various monuments is carried out in a wide space-time range. The main materials are the petroglyphs of the Wujiachuan rock-art site in Jingyuan County of the Gansu Province (China), analogies to which the authors find in burial complexes, stone statues, among the rock carvings and graffiti in South Siberia and Central Asia.

The article sets the following tasks: to clarify the dating and reveal the semantics of "3-horned" anthropomorphic images of the Wujiachuan site by analysing similar 3-horned characters and their interpretations on other monuments; to evaluate the significance of this plot of Chinese petroglyphs for further study.

The west surface of the Wujiachuan rock-art site has carvings of 8 horsemen and several anthropomorphic figures. 6 of these riders and one standing man are wearing headdresses resembling a crown with 3 'horns'. Chinese archaeologists date the site from Neolithic to the beginning of the CE.

The standing figure however can also be perceived as a seated one if its very long, downward 'arms' are to be considered as the outline of a wide-brimmed robe, and the carved lines within it are the 'real' arms folded on the chest or on the stomach with bent legs. This interpretation corresponds with ancient Turkic images of Gorny Altai and other regions.

A boulder with engraved 'knee bending scene' was excavated in the grave 16 of the Kudyrge burial ground in Altai. A seated woman in a 3-horned headdress with a child is depicted, before whom three much smaller in size dismounted horsemen are bowing. The middle horseman is also wearing a 3-horned headdress. Engraved images of women in 3-horned headdresses were also met on rocks and on bone artefacts from Kirgizia, Kazakhstan and Khakasia.

Considering a version that this was a presentation of the ancient Turkic deities or shamans, Yu. S. Khudyakov came to the conclusion these '3-horned' images conveyed the headdresses with a high conical top and side ear-flaps of ancient Turkic women. However, the engraving from Dyalbak in Eastern Altai testifies that such headdress may not necessarily be ceremonial or ritual, but a variation of a conical combat helmet with horns.

P.P. Azbelev interprets the 'knee bending scene' from Kudyrge as a reflection of the Christian (Nestorian) narrative of worship of the Magi. It can be assumed that the Wujiachuan horsemen in horned headdresses, grouped in threes on the left and right sides of the west surface are rushing to worship the standing (or rather sitting) figure also in a 3-horned headdress. This personage, like on the Kudyrge boulder, surpasses both riders and even their horses in height.

Rock carvings of riders in 3-horned headdresses have also been found in North-Western China in the Badain Jaran Desert at the west of Inner Mongolia and in Zhongwei County of the Ningxia Province. The authors believe that plots with 3-horned characters, like images of horsemen with banners, are markers for petroglyphs of the ancient Turkic period.

REFERENCES

1. Zhang Baoxi (1983) Gansu sheng Jingyuan xian Wujiachuan faxian yanhua [张宝玺. 甘肃省靖远县吴家川发现岩画] [Petroglyphs discovered in Wujiachuan, Jingyuan County, Gansu province]. *Wenwu*. 2. pp. 46–47.
2. Rudenko, S.I. & Glukhov, A.N. (1927) Mogilnik Kudyrga na Altae [Kudyrga Burial Ground at Altai]. *Materialy po etnografii*. 3(2). pp. 37–52.
3. Gavrilova, A.A. (1965) *Mogilnik Kudyrga kak istochnik po istorii altaiskih plemen* [Kudyrga burial ground as the source on the history of Altai tribes]. Moscow; Leningrad: Nauka.
4. Azbelev, P.P. (2010) *Kudyrginskiy syuzhet* [The Kudyrga plot]. St. Petersburg: LEMA.
5. Kyzlasov, L.R. (1949) K istorii shamanskikh verovaniy na Altae [To the history of Shamanistic beliefs in Altai]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii – KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 29. pp. 49–52.
6. Surazakov, A.S. (1994) K semantike izobrazheniy na Kudyrginskom valune [To the semantics of Kudyrga boulder images]. In: Martynov, A.I. et al. (eds) *Etnokulturnye protsessy v Yuzhnoi Sibiri i Tsentralnoi Azii v I–II tysyacheletii n.e.* [Ethnocultural processes in Southern Siberia and Central Asia in the 1st – 2nd millennium AD]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 45–55.
7. Sher, Ya.A. (1966) *Kamennye izvayaniya Semirechya* [Stone sculptures of Semirechye]. Moscow; Leningrad: Nauka.
8. Akhinzhanov, S.M. (1978) Ob etnicheskoy prinadlezhnosti kamennykh izvayaniy v “trekhrogiikh” golovnykh uborakh iz Semirech'ya [On ethnicity of stone sculptures in “three-horned” headdresses from Semirechye]. In: Akishev, K.A. (ed.) *Arkheologicheskie pamyatniki Kazakhstana* [Archaeological monuments of Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka. pp. 65–79.
9. Ermolenko, L.N. (1995) K probleme kamennykh izvayaniy v “trekhrogiikh” golovnykh uborakh [On the problem of sculpture in the “three-horned” headdresses]. In: *Naskal'noe iskusstvo Azii* [Asian Rock Art]. Vol. 1. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 54–55.
10. Khudyakov, Yu.S., Tabaldiev, K.Sh. & Soltobaev, O.A. (1997) Novye nakhodki predmetov izobrazitel'nogo iskusstva drevnikh tyurok na Tyan'-Shane [New finds of Old Turks art objects in Tien-Shan]. *Rossiyskaya Arkheologiya – Russian Archeology*. 3. pp. 142–147.
11. Khudyakov, Yu.S., Tabaldiev, K.Sh. & Soltobaev, O.A. (1996) Mnogofigurnye kompozitsii na kostyanykh plastinakh iz pamyatnika Suttuu-Bulak [Multi-figure compositions on bone plaques from the Suttuu-Bulak site]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Noveyshie arkheologicheskie i etnograficheskie otkrytiya v Sibiri* [The latest archaeological and ethnographic discoveries in Siberia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 242–245.
12. Rogozhinsky, A.E. (2010) Novye nakhodki pamyatnikov drevnetyurkskoy epigrafiki i monumental'nogo iskusstva na yuge i vostoche Kazakhstana [New finds of ancient Turkic epigraphy sites and monumental art at the South and East of Kazakhstan]. In: Erofeev, I., Zhanaev, B. & Masanov, L. (eds) *Rol' nomadov v formirovaniy kul'turnogo naslediya Kazakhstana* [The role of nomads in the formation of Kazakhstan cultural heritage]. Almaty: Print-S. pp. 329–344.
13. Kyzlasov, I.L. (1998) Tengry and Umay Imprint on Sulek Rock Paintings. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 4. pp. 39–53. (In Russian).
14. Skobelev, S.G. (1999) Ikonografiya obraza bogini Umay v drevnetyurkskuyu epokhu [Iconography of Umai Goddess Image in Ancient Turkic Period]. In: Mitko, O.A. (ed.) *Evrasiya: kulturnoe nasledie drevnih tsivilizatsiy*. [Eurasia: Cultural Legacy of Ancient Civilizations]. Vol. 2. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 162–167.
15. Khudyakov, Yu.S. (2010) Ob izobrazhenii bozhestv drevnetyurkskogo panteona na pamyatnikakh iskusstva nomadov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii epokhi rannego srednevekov'ya [On the images of gods of Ancient Turkic pantheon on the art objects of nomads of South Siberia and Central Asia of the Early Medieval epoch]. In: Soenov, V.I. (ed.) *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Vol. 3(15). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 93–103.
16. Konstantinov, N.A. & Urbushev, A.U. (2018) Rannesrednevekovye gravirovki Dyalbaka [Early medieval engravings of Dyalbak]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii* [Modern solutions to pressing problems of Eurasian archeology]. Vol. 2. Barnaul: Altai State University. pp. 270–272.
17. Zhou Xinghua. (1991) *Zhongwei yanhua* [周兴华. 中卫岩画] [The Rock Arts in Zhongwei]. Vol. 6. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe.
18. Li Xiangshi & Zhu Cunshi. (1993) *Helanshan yu Beishan yanhua* [李祥石、朱存世. 贺兰山与北山岩画] [The Rock Art in Mt. Helan and Mt. North]. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe.
19. Du Chengfeng. (2014) *Sunan yanhua* [杜成峰. 肃南岩画] [Sunan Cultural Relic]. Lanzhou: Gansu minzu chubanshe.
20. Han Jigang. (2015) *Subei yanhua* [韩积罡. 肃北岩画] [Rock Paintings of Subei]. Lanzhou: Gansu renmin meishu chubanshe.
21. Tang Huisheng & Zhang Wenhua. (2001) *Qinghai yanhua – shiqian yishu zhong erylun duili siwei ji qi guanyan de yanjiu* [汤惠生、张文华. 青海岩画 – 史前艺术中二元对立思维及其观念的研究] [Qinghai Petroglyphs – a Study of Dualism and its Ideas in Prehistoric Art]. Beijing: Kesue Chubanshe.
22. Gai Shanlin. (1986) *Yinshan yanhua* [盖山林. 阴山岩画] [Petroglyphs in the Yinshan Mountains]. Vol. 2. Beijing: Wenwu Chubanshe.
23. Gai Shanlin. (1989) *Wulanchabu yanhua* [盖山林. 烏蘭察布岩画] [Petroglyphs in the Wulanchabu Grassland]. Vol. 22. Beijing: Wenwu Chubanshe.
24. Gai Shanlin. (1997) *Badanjilin shamo yanhua* [盖山林. 巴丹吉林沙漠岩画] [The Rock Paintings in Badanjilin Desert]. Beijing: Beijing tushuguan chubanshe.
25. Xu Cheng & Wei Zhong. (1993) *Helanshan yanhua* [许成、卫忠. 贺兰山岩画] [Petroglyphs in the Helan Mountains]. Vol. 34. Beijing: Wenwu.
26. Konstantinov, N., Soenov, V. & Cheremisin, D. (2016) Battle and hunting scenes in Turkic rock art of the early Middle Ages in Altai. *Rock Art Research*. 33(1). pp. 8–18.
27. Seregin, N.N. & Mukhareva, A.N. (2015) Istoriya izucheniya petroglifov rannego srednevekov'ya na territorii Altaya [History of the study of petroglyphs dates as of the early Middle Ages on the territory of Altai]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya – Sayan-Alnai Scientific Review*. 1(9). pp. 95–106.
28. Kubarev, V. D. (2011) *Petroglify Kalbak-Tasha I (Rossiyskiy Altay)* [The Petroglyphs Kalbak-Tash I (Russian Altai)]. Novosibirsk: SB RAS.
29. Güneri, A.S. (2018) Altay Dağları Bölgesi Kaya Resimleri: Klasik Türk Dönemi-2 Evresi Türk Tasvir Sanatına Dair Yeni Kavramlar [Petroglyphs of the Mongolian Altai: New Concepts of the Turkic Rock Art of the Classical Turkic Period-2]. *Arkeoloji ve Sanat*. 159. September-December. pp. 149–160.
30. Rogozhinsky, A.E. (2019) Flagi na skalakh (izobrazheniya znamen v landshaftakh s petroglifami tyurkskoy epokhi Kazakhstana) [Flags on the Rocks (banner representations within the petroglyphic landscapes of the Turkic period in Kazakhstan)]. In: Devlet, M.A. (ed.) *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii rannikh form iskusstva (2)* [The visual and technological traditions of early art forms]. Vol. 12. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 275–289.